

Когда брата Цуна привели в комнату, он все еще был в оцепенении. Его тело было покрыто следами от ударов кнута: некоторые раны уже затянулись, другие все еще сочились кровью и сукровицей. От голода его руки и ноги не слушались, суставы стали жесткими, словно готовы были сломаться от малейшего движения.

Пять дней он провел в плену в этом горном поселении, и эти пять дней казались адом.

Он думал, что годы, проведенные в военном училище, сделали его выносливым, но теперь понял, что та физическая подготовка была ничем по сравнению с тем, что он пережил за эти дни.

И все же он выдержал — хотя был ли у него шанс дожить до шестого дня, он не знал.

Брат Цун, волоча за собой кандалы и наручники, сделал несколько шагов, и наконец человек, сидевший на стуле, поднялся.

Он произнес пару фраз на непонятном местном наречии, а затем приказал своим людям закрыть дверь. В комнате остались только он и брат Цун, и атмосфера сразу стала напряженной и неловкой.

Перед братом Цуном стоял крепкий молодой человек с тотемом саламандры на левой руке — отличительным знаком людей Кушань. Уродливая татуировка саламандры покрывала всю руку, включая тыльную сторону ладони.

Он был главарем этого поселения, самым высокопоставленным человеком, которого брат Цун видел за эти пять дней. Его называли «А-Да», и обращались к нему с явным подобоострастием.

Главарь был одет лишь в меховую накидку, без подкладки, что делало татуировку саламандры еще более устрашающей, словно она вот-вот сорвется с руки и бросится на брата Цуна, чтобы разорвать его на части.

Брат Цун знал, что люди Кушань едят людей, но о том, какие ритуалы или приготовления предшествуют этому, он не имел понятия.

В первый день плена он видел, как головы нескольких солдат были выставлены на каменном алтаре.

Кровь залила алтарь, капая на приготовленных к забою коров и овец.

Люди Кушань держали животных за головы, одним движением перерезали горло и вынимали внутренности, с наслаждением пили их кровь.

С того самого дня брат Цун задавался вопросом, будут ли его или тех солдат потрошить, как скот, и сегодня должен был получить ответ.

Ранее, ближе к вечеру, его привели к этому человеку.

Несколько дней пыток не дали результата, и молодой главарь, похоже, потерял терпение. Их общий язык был плох, но брат Цун все же разобрал слово «казнь».

«Казнь» и «принятие» на их наречии звучали очень похоже. Во время учебы в военном училище он изучал местные обычаи и тогда удивлялся, почему эти слова так похожи. Теперь он понял — потому что кости съеденных людей складывали в ящик, который затем закапывали.

Так что, вероятно, и его сложат в ящик. А на следующий год здесь вырастет дерево, и люди Кушань будут рассказывать детям, что здесь похоронен чиновник, один из тех, кто пришел в их земли и не смог уйти.

Но как его съедят, ему было уже все равно. Ведь сейчас на его теле не осталось ни одного здорового места, и даже без потрошения он едва мог терпеть боль.

Молодой главарь, видя, что брат Цун не подходит, сам сделал два шага вперед.

Дверь постучали, и двое мужчин внесли большой котел с теплой водой, видимо, приготовленной для варки.

Главарь снова произнес пару фраз на своем языке, и они подняли брата Цуна, опустив его в бочку с водой.

Боль, словно тысячи игл, пронзила все его тело. От боли он покрылся холодным потом, зрение затуманилось.

И все же двое мужчин продолжали смывать с него кровь и грязь. Они счищали гнилую плоть с его спины, затем вытирали сухой тканью.

Брат Цун был в замешательстве, но сквозь густой пар ничего не мог разглядеть.

Его переворачивали с боку на бок, пока не отмыли полностью, затем вытащили за цепи, накинули на него одеяло.

Те, кто принес котел, унесли его, и в комнате снова остались только он и главарь.

Теперь брат Цун сидел на деревянной скамье, а главарь стоял перед ним, смотря свысока. Он размышлял, заговорит ли главарь на общем языке, и тот, запинаясь, произнес:

— Это твой выбор, не пытайся хитрить.

Брат Цун вздрогнул и поднял голову.

Главарь продолжил:

— После того как ты будешь принят, веди себя смирно. Твои земляки за тебя не заступятся, и я не сделаю для тебя исключения. Ты должен это понимать.

Брат Цун был еще больше озадачен. Он смотрел на главаря, а тот сбросил меховую накидку, обнажив устрашающую татуировку.

Его сердце сжалось, он хотел спросить, о каком выборе идет речь, но главарь не дал ему сказать ни слова, схватил его за талию и бросил на кровать с толстым матрасом.

Брат Цун с грохотом упал на постель, кандалы на руках и ногах снова причинили ему острую боль.

Но когда главарь лег рядом с ним, он понял — его не собираются есть, но готовятся сделать что-то еще более ужасное.

Видимо, между «принятием» и «казнью» все же была разница, но брат Цун, плохо изучивший их язык, не смог ее уловить.

В тот момент он почувствовал полное отчаяние. Всего пять дней назад он был молодым чиновником, приехавшим в этот отдаленный горный район со своим секретарем, мечтая о мире и светлом будущем, готовый внести свой вклад в наступление мирных времен.

А теперь, спустя так мало времени, его мечты рухнули, судьба секретаря неизвестна, а сам он, вероятно, лишится и своего достоинства.

Как все дошло до этого, можно было понять, оглянувшись на пять дней назад.

Пять дней назад брат Цун был в лагере войск, собирая материалы и ожидая приказов.

В ночь нападения никто не был готов.

Брат Цун только что вернулся с дозора, дрожа от холода. Секретарь А-Янь встретил его у палатки, и брат Цун предложил ему отойти в укромное место, чтобы выкурить сигарету.

Костер уже погас, на небе сияли звезды. В этой долине ничего не было хорошего, кроме ночного неба. Брат Цун никогда не видел столько звезд, они были будто сокровища, рассыпанные по небу.

Он, как обычно, спросил А-Яня, есть ли новости. Тот, дрожа, ответил:

— Ничего нет, поставки не приходят, люди не могут войти, все замерзают, и вряд ли кто-то решится атаковать сейчас, когда ноги едва слушаются.

Но не успел он договорить, как яркий свет ослепил брата Цуна. Маленькая звезда внезапно превратилась в горящую стрелу, летящую с неба.

Стрела попала в кучу сухой травы, и прежде чем брат Цун и А-Янь успели опомниться, тысячи горящих стрел обрушились на них, словно саранча.

Брат Цун крикнул:

— Бежим!

И потащил А-Яня к лагерю. Не пробежав и нескольких шагов, они услышали, как горы, минуту назад молчавшие, огласились свистом и звуками рогов.

Звуки рогов сливались в единый гул, и вскоре со всех сторон посыпались стрелы.

Солдаты, поняв, что их атаквали, схватили оружие и выбежали из палаток.

Но нападение было слишком внезапным и яростным. Атака шла со всех сторон, и прежде чем они успели понять, откуда исходит основной удар, горящие стрелы подожгли одну палатку за другой.

Вскоре весь лагерь погрузился в хаос. Звуки выстрелов смешались с рогами людей Кушань. Свет от пуль, вспыхивающий на фоне неба, был ярче звезд.

В этой суматохе у брата Цуна был только пистолет на поясе и сабля. Видя, как быстро распространяется огонь, он не решился идти к войскам вместе с А-Янем и побежал по грязной тропинке, по которой они пришли.

Они находились здесь уже три месяца, и до этого было лишь несколько выстрелов. Патрули

ежедневно выходили на разведку, и было установлено, что поблизости нет крупных поселений людей Кушань.

Они считали это место безопасным, поэтому и разместили здесь таких чиновников, как брат Цун. Но на этот раз нападение произошло без предупреждения, и люди Кушань, видимо, нашли какие-то тропы, чтобы спуститься с гор, как муравьи, окружающие свое гнездо.

Брат Цун и А-Янь бежали изо всех сил, но, как и когда за тобой гонится туча, куда бы они ни бежали, стрелы падали за ними, совсем близко.

Крики солдат раздавались со всех сторон, а ночь была в самом разгаре. Люди Кушань, намазанные растительным соком для маскировки, ранили солдат, но те не знали, как ответить.

<http://bllate.org/book/16300/1470058>